

Один бред на двоих

“Лунные поляны” Игоря Минаева

Первое знакомство с этим фильмом было подсвечено его громкой фестивальной победой: “Лунные поляны” получили Гран-при на минувшем Открытом фестивале кино стран СНГ и Балтии в Анапе, а актриса Алиса Богарт удостоена приза за лучшую женскую роль. Однако, вспоминая неофициальное уже, но все равно прикипевшее к этому киносмотру название “Киношок”, нельзя не подивиться, до какой степени этот фильм нешоковый. Картина Минаева кажется диковинкой именно в силу своей культурной инаковости. Экзотический европейский цветок на диком постсоветском поле. Выживают у нас подобные “растения” с трудом и холодные критические отзывы им обеспечены.

Инцест между братом и сестрой... В нашем кино подобный сюжет возможен разве что в “чернушном” контексте. Перелистав же официальную, едва ли не каноническую историю европейского кино, мы с легкостью обнаружим массу фильмов с тем же самым скандальным, табуированным сюжетом: “Туманные звезды Большой Медведицы” Л. Висконти, “Постель для брата и сестры” В. Шемана, “Цементный сад” Эндрю Биркина. Вплоть до недавней британской ленты “Мой брат Том”, отмеченной Гран-при прошлогоднего МКФ в Сочи. Подобные фильмы встроены в общий контекст: психопатология обыденности. Соотечественникам же нашим, более всего озабоченным проблемами выживания, собственной безопасности, подобное психоаналитическое исследование представляется копанием в грязном белье.

Минаева легко заподозрить в желании примерить на себя высокие кутурны, попытаться стать “местным Висконти”. Обвинить в претенциозности – тоже. Надо отдать режиссеру должное: он тактичен, исторического и мифологического контекста бежит. Просто разыгрывает конфликт внутри несчастного человека, раздираемого биологической, нутряной греховностью и невозможностью существовать вне общества, вне чужих, пристально следящих за ним глаз. История одной семьи дана намеками. Мать умирает перед роковой встречей повзрослевших брата и сестры, показан лишь ее порт-

А. Богарт в фильме “Лунные поляны”

рет: красивое бледное лицо в нимбе черных волос. Смерть отца передана через одно-единственное воспоминание: брат убежал из дому, забрав лишь любимую чашку отца. Долгие годы Нина, дочь и сестра, была прикована к больной матери. Андрей, брат, возвращается в Петербург на похороны. Красивый, но холодный дом, уставленный роскошной антикварной мебелью. Брат остается там, хотя где-то далеко, в другом городе есть, вернее, была семья. Сестру и брата мучат воспоминания, которые они не в состоянии проговорить, срываясь на слезы и крики. Антиквариат распродается, брат пытается писать, а сестра увлечена постановками самодеятельного театра. Их совместная жизнь развивается по одному и тому же сценарию, который, увы, не может повторяться до бесконечности: как только брат пытается вырваться из дома, у сестры начинается приступ боли на руках (тот самый “крик кожи”, о котором доводилось читать в психоаналитических трактатах), и брат, кажется все уже заранее знающий, возвращается домой, ласковый, раскаявшийся. Два не просто болезненных, но уже откровенно

больных человека раз за разом пытаются сбежать в мир грез, в эдакие “роскошные сады воображения”. Трагедия еще и в том, что этот бред – один на двоих. От окончательного ухода в болезнь их может спасти смерть. Либо неожиданный, все спасающий успех их творческих начинаний. И вот этого последнего бегства им не дано. Роман, написанный братом, откровенно не нравится издателю: “Зачем писать о людях, которые несчастны, причем с самого начала ясно, что все они погибнут? Вот Чехов, кто бы его сегодня читал, если бы он классиком не был?” Прямо в театре, во время чтения сцены из романа Достоевского “Идиот”, умирает некий великий и, разумеется, совершенно не приспособленный к жизни вне сцены артист (А. Толубеев), чьим антрепренером и добрым ангелом назначила себя Нина. Талант не востребован обществом, рынком? Если бы все было так просто.

Поразительна способность авторов фильма увести зрителя в призрачные, “лунные” миры, лишь отдаленно напоминающие повседневность, в которых, собственно, и не живут главные герои. Все достаточ-

но правдоподобно, но на экране – именно их жизнь, их восприятие привычных реалий. Потому так легко для них и естественен для всего строя фильма финальный переход со сцены в жизнь, а из жизни – в смерть. Тут не только о мастерстве Минаева идет речь, виртуозной операторской работе Владимира Панкова, причудливо исполненным сцеплении событий, причин и следствий, культурных намеков и “недомолвок” психики в сценарии Ольги Михайловой. Степень стилизации в игре Андрея Кузичева и Алисы Богарт, их партнерство притягивают более всего. Этому актерскому дуэту удалось переспорить хотя бы отчасти исходную концепцию замысла: всякий творец – всегда невротик. Хотя, конечно, достигнутого фильмом эффекта, когда вдруг понимаешь, что этот “тронутий” – живой человек, что его страдания для наблюдателя откровенно патологичны, но для него самого абсолютно реальны, нельзя не приписать руке режиссера. Впрочем, таких моментов немного, разве что финал и явление Андрея Толубеева в роли генерального тещеца. Фильм слишком красив, а страсти героев всегда остаются эстетически приемлемыми. Даже если кричит кожа и помрачается рассудок.

Игорь Минаев давно работает и живет в Париже, ставит спектакли, лет десять тому назад сделал ленту “Наваждение” с Изабель Юппер в главной роли, снятую по рассказу Е. Замятина. Его картины “Холодный март” и “Первый этаж” сразу встали особняком в нашем кино. Возможно, для мирового успеха его новой работы не хватит именно того, что отличает нас от европейской культуры чувств. Той истовости, пресловутой русской душевности, которая кажется загадкой для европейцев, куда более оснащенных культурно, куда более утонченных и раскованных, но раз за разом пасующих перед нашей “достоевской” страстью в покаянии и прозрении. Выход из подкорковых потемок возможен лишь сверхусилием души. Но для этого надо как минимум обнаружить внутри себя эту загадочную субстанцию. Не эго, не подсознание, не комплексы... Душу.

Анастасия МАШКОВА